

ПРОЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ЧЕРНОМОРСКИХ И БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И
ПОЗИЦИЯ СССР
(1950-е – НАЧАЛО 1960-х ГОДОВ)

А.С. СТЫКАЛИН
(Москва)

Известно, что проблема черноморских проливов в 1936 г. получила международно-правовое урегулирование с подписанием в Монтре (Швейцария) соответствующего международного соглашения. В конце весны 1953 г., уже после смерти Сталина, Советский Союз подтвердил свою приверженность конвенции 1936 г. Наконец, шло усиленным ходом создание нового регионального военно-политического союза на Балканах (Балканского пакта). Однако более существенное препятствие для реализации идей многостороннего балканского сотрудничества представляла собой позиция не греческого и не югославского правительства, а руководства Советского Союза. В начале 1960-х годов инициатива в продвижении идей балканской солидарности переходит от Румынии к Болгарии. Воспользовавшись высказываниями Хрущева, сделанными в Варне 16 мая 1962 г., о необходимости сотрудничества всех стран, расположенных на берегах Черного моря, министр иностранных дел НРБ К.Луканов направил в сентябре 1962 г. в посольство СССР детально разработанный план многостороннего регионального сотрудничества. Румынская сторона к 1962 г., насколько можно судить из документов, несколько охладела к планам регионального сотрудничества, возможно, увидев в болгарских предложениях попытку навязать Румынии участие в осуществляемой под эгидой СССР и СЭВ экономической программе, не отвечающей ее интересам. Тем не менее, как румынские, так и болгарские предложения конца 1950-х - начала 1960-х годов, несомненно, дали импульс активизации регионального сотрудничества, что проявилось среди прочего в создании в разных странах национальных комитетов балканского сотрудничества.

Ключёвые слова: региональное сотрудничество, государства, черноморие, балканских.

По окончании Второй мировой войны во внешней политике СССР на черноморском направлении решающее значение придавалось проблеме проливов. Таким образом, в понимании государственных интересов советской державы проявилась известная преемственность тем стратегическим установкам, которые на протяжении XIX - начала XX в. определяли внешнеполитическую линию Российской империи на Балканах¹. Известно, что проблема

¹ См. коллективный труд Института российской истории РАН: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. О черноморских проливах как зоне общеевропейского геополитического напряжения см. также новейшую публикацию: Рыбаченок И.С. Ключи от Черного моря (на рубеже XIX и XX веков) // Новая и новейшая история, 2009, N.2.

черноморских проливов в 1936 г. получила международно-правовое урегулирование с подписанием в Монтре (Швейцария) соответствующего международного соглашения. В 1946 г. Советский Союз, в свое время также подписавший конвенцию в Монтре, призвал Турцию пересмотреть действовавший на ее основании режим функционирования черноморских проливов. В нотах, адресованных правительству Турции, было заявлено, что эта конвенция не отвечает интересам безопасности черноморских держав, поскольку не обеспечивает условий, при которых могло бы быть предотвращено использование Босфора и Дарданелл во враждебных этим державам целях. При этом советское правительство ссылалось на то, что в годы Второй мировой войны нейтралитет Турции отнюдь не воспрепятствовал использованию Германией черноморских проливов для решения своих военных задач. Предпринятые Советским Союзом попытки навязать Турции далеко идущее соглашение о совместных оборонительных действиях в районе черноморских проливов в случае нарушения какой-либо из нечерноморских держав конвенции 1936 г., были решительно отвергнуты турецкой стороной, резонно опасавшейся ограничения своего суверенитета, причем активизация советского давления в отношении Турции вызвала ответную реакцию Запада и стала одним из факторов, приведших к началу „холодной войны”².

Только в конце весны 1953 г., уже после смерти Сталина, Советский Союз подтвердил свою приверженность конвенции 1936 г. Урегулированию этого острого вопроса способствовали не столько заинтересованность СССР в некотором ослаблении напряженности на границах с Турцией, сколько желание советского руководства воспрепятствовать активному вовлечению этой страны в западную систему оборонительных союзов. При этом принималось во внимание как стратегическое, так и немалое внешнеторговое значение черноморских проливов для СССР. (Достаточно сказать, что в середине 1950-х годов, по разным данным, от 30% до 40% всего объема товарооборота, проходившего в СССР и из СССР морским путем, приходилось на Босфор и Дарданеллы). Смена тактики, однако, не имела большого эффекта. Вступив еще в 1952 г. в НАТО, Турция пользовалась предусмотренными Североатлантическим договором гарантиями безопасности на случай нападения с чьей бы то ни было стороны, и это снижало степень ее готовности идти на компромисс в отношениях с северным соседом. Кроме того, к середине 1950-х годов Турция стала играть все более ключевую роль в стратегических планах США не только в Восточном Средиземноморье, но и на Ближнем Востоке, что проявилось в создании в 1955 г. Багдадского пакта, позже, в 1958 г.,

² См. из имеющейся литературы: Егорова Н.И. Истоки советско-американского соперничества в Иране и Турции, 1944–1945 // Американский ежегодник, 1997. М., 1997, с.132–144; Поцхверия Б.М. Советско-турецкие отношения и проблема Проливов накануне, в годы Второй мировой войны и в послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия).

преобразованного в Организацию Центрального договора (СЕНТО)³. Наконец, шло усиленным ходом создание нового регионального военно-политического союза на Балканах (Балканского пакта). Подписанный 28 февраля 1953 г. в Анкаре договор о дружбе и сотрудничестве Греции, Турции и Югославии был дополнен 9 августа 1954 г. договором о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи, в соответствии с которым обязательства трех стран расширились – предусматривались уже не только постоянные консультации по всем внешнеполитическим вопросам, представляющим взаимный интерес, но и координация военных усилий трех стран по отпору любой вооруженной акции, направленной против одной из них⁴. С этого времени советская политика в отношении Турции и черноморских проливов оказывается в довольно тесной взаимосвязи с курсом постсталинского руководства СССР на примирение с другим участником Балканского пакта - титовской Югославией и вовлечение этой страны в сферу политического влияния СССР⁵.

Для титовской Югославии сближение с Грецией и Турцией в начале 1950-х годов явилось не только одним из способов выхода из внешнеполитической изоляции, в которой страна оказалась после 1948 г. в результате вынужденного разрыва с советским блоком⁶, но и шагом, направленным на укрепление собственной обороноспособности в условиях развязанной Сталиным крупномасштабной политико-пропагандистской кампании, чреватой перерастанием в военный конфликт. Образование военного союза Югославии с двумя странами-членами НАТО, явившееся прежде всего фактором сдерживания СССР на балканско-средиземноморском направлении, нашло крайне негативный отклик советского руководства, тем более, что было очевидным стремление США при помощи Балканского пакта теснее пристегнуть режим Тито к осуществлению военно-стратегических планов НАТО. Американская военная помощь Югославии в этот период

³ О внешней политике Турции в 1950-е годы см.: Улуян Ар.А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001.

⁴ Тройственное соглашение не перекрывало обязательств Греции и Турции в рамках НАТО, а с другой стороны, было открыто для присоединения других черноморских и балканских стран. Подробно см.: Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период "холодной войны" (1945-1957). М., 2002. Глава IV. Из опубликованных архивных документов, отражающих официальную позицию СССР в отношении Балканского пакта, см. справку посольства СССР в ФНРЮ "Балканский пакт" (июнь 1960): КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х гг. (Сборник документов). Салоники, 2003, с.365–386.

⁵ См.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. М., 2008.

⁶ В вышеупомянутой справке о Балканском пакте, относящейся к июню 1960 г., нашло отражение мнение официальной Москвы, согласно которому после 1948 г. югославское руководство "добилось улучшения своих отношений с Грецией ценой предательства интересов греческих демократических сил", т.е. прежде всего коммунистов, которых поддерживало в период гражданской войны второй половины 1940-х годов в Греции.

становится более значительной⁷. Тем не менее создание Балканского пакта не воспрепятствовало процессу советско-югославского сближения, набравшему силу к концу весны 1955 г.: 26 мая - 2 июня в ФНРЮ состоялась первая после длительного перерыва встреча на высшем уровне⁸. В контактах с Москвой югославская сторона неизменно подавала Балканский пакт как одну из форм регионального экономического и культурного сотрудничества, отрицая его значимость с военной точки зрения и ссылаясь при этом на свою приверженность внеблоковой политике. Видимым подтверждением этого должна была стать отмена совместных маневров армий трех стран, запланированных на 1955 г.⁹ По мере улучшения советско-югославских отношений в советском руководстве действительно проявлялось все меньше опасений относительно возможности использования Балканского пакта в качестве инструмента политики НАТО. Показательны слова Н.С. Хрущева, который в дни приезда И. Броз Тито в СССР в июне 1956 г. заметил в одном из выступлений, что установление дружественных отношений между СССР и Югославией быстро превратит Балканский пакт в „мыльный пузырь”¹⁰. Часть экспертов МИД СССР даже придерживалась мнения о том, что участие Югославии в Балканском пакте позволит Советскому Союзу выйти на новые рубежи в развитии отношений с двумя другими членами этого военно-политического союза, что не только предотвратило бы попытки НАТО использовать Балканский пакт в антисоветских целях, но и повлияло бы на внутривнутриполитическую ситуацию в этих странах в интересах „демократических сил”¹¹. Практическое воплощение таких планов наталкивалось, однако, на неготовность Греции и Турции к далеко идущему сближению с СССР¹².

⁷ См.: Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел. Глава V.

⁸ Подробнее см.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации.

⁹ В записке корреспондента ТАСС в ФНРЮ "К положению в Югославии" от 21 марта 1955 г. содержалась ссылка на распространившееся в информированных журналистских кругах Белграда мнение о том, что руководство ФНРЮ в последнее время изменило свой взгляд на цели и задачи Балканского союза. Его главной задачей теперь считается экономическое, политическое и культурное сотрудничество, а отнюдь не военное. Именно с этим и была связана отмена маневров армий 3 стран. Причины переориентации союза на решение новых задач виделись в нормализации отношений с СССР, а также в несогласии с попытками США включить Балканский пакт в структуру НАТО. Глава югославского внешнеполитического ведомства К. Попович на пресс-конференции в начале марта по итогам поездки в Анкару говорил о поисках новых форм сотрудничества 3 стран. Если поставить во главу угла военный аспект сотрудничества, это стало бы, по мнению К. Поповича, поддержкой "политики блоков", тогда как во всем мире хорошо известно негативное отношение югославского правительства к такой политике. См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАЛИ). Ф.5. Оп.30. Д.121. Л.44–46. См. также: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. С.379.

¹⁰ См.: Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел. С.273.

¹¹ Такая точка зрения нашла отражение, в частности, в одной из записок, подготовленных в МИД СССР в связи с посещением Тито СССР 1-23 июня 1956 г.: Там же. С.271–272.

¹² См.: Улуян Ар.А. Греция и Турция между Западом и Востоком (1950-е годы) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Отв. редакторы Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003, с.406–430.

С конца 1956 г., в условиях нового ухудшения советско-югославских отношений, произошедшего в результате венгерских событий¹³, с югославской стороны предпринимаются попытки оживить деятельность Балканского пакта, переживавшего со второй половины 1955 г. некоторую стагнацию. Предполагалась, в частности, и активизация военного сотрудничества трех стран¹⁴. Этому, однако, мешало осложнение греческо-турецких отношений из-за принципиального различия подходов к решению кипрского вопроса¹⁵.

¹³ См.: Стыкалин А.С. СССР-Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение, 2006. N.3; Он же. Советско-югославские отношения и внутривосточная ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // Spoljna politika jugoslavije. 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008.

¹⁴ О необходимости активизации военного сотрудничества стран-участниц Балканского пакта Тито говорил с трибуны состоявшегося 22–26 апреля 1958 г. VII съезда Союза коммунистов Югославии, на котором была принята программа СКЮ, объявленная руководством КПСС ревизионистской. При этом он ссылаясь на все еще сохраняющуюся военную угрозу для Югославии, не конкретизируя, впрочем, источник этой угрозы. Балканский пакт подавался лидером ФНРЮ как оборонительный региональный союз, призванный дать отпор любым попыткам агрессии на Балканах. Однако в переписке с ЦК КПСС, относящейся к началу 1957 г., Тито от имени ЦК СКЮ заверял Н.Хрущева в том, что в ФНРЮ не придают Балканскому пакту военного значения. См.: РГАЛИ. Ф.89. Пер.45. Док. 83, 84. Подобным же образом Тито трактовал суть Балканского союза на встречах с лидерами азиатских государств, участников движения неприсоединения. В Москве судя по всему сомневались в реальной приверженности ФНРЮ декларируемому ее руководством принципу внеблоковой политики. Так, в июне 1960 г. Н.Хрущев, выступая на III съезде Румынской рабочей партии, заявил, что внешняя политика Югославии не является такой уж внеблоковой, учитывая, что эта страна связана через Балканский пакт с НАТО и СЕНТО. Ответом на заявление Хрущева явилась неформальная договоренность греческой и югославской сторон о том, чтобы более решительно подчеркивать экономическую и культурную составляющие Балканского союза.

В 1960-е годы, как и ранее, попытки Югославии вдохнуть свежие силы в Балканский пакт находились в тесной взаимосвязи с состоянием советско-югославских отношений. В моменты их улучшения на первый план выдвигалось экономическое и культурное, а не военно-политическое сотрудничество в пакта. Одна из поздних попыток реанимировать этот союз в качестве военно-политической организации относится к периоду чехословацкого кризиса 1968 г.

¹⁵ 7 декабря 1959 г. депутат греческого парламента В.Эфремидис говорил временному поверенному СССР в Афинах Г.Чеботареву в связи с поездкой греческого лидера К.Караманлиса в Белград: сближение Греции и Турции в настоящих условиях невозможно, а поэтому активизация балканского трехстороннего союза остается лишь желанием американцев. Встречи Караманлиса с лидерами Югославии способствуют дальнейшему развитию греко-югославских отношений, но ни о каком далеко идущем двустороннем (а тем более трехстороннем) соглашении речи не идет (РГАЛИ). Как бы там ни было, механизм Балканского пакта продолжал функционировать. Постоянный секретариат в Афинах заседал ежемесячно, происходили регулярные встречи министров иностранных дел, раз в три месяца созывались совещания представителей генштабов, греческие наблюдатели неизменно присутствовали на маневрах югославской армии, хотя их присутствие не афишировалось прессой. Оставались в силе все статьи договора 1954 г. о совместных оборонительных действиях.

Определенный геополитический вакуум, образовавшийся в результате стагнации Балканского пакта, сделал возможным выдвижение новых внешнеполитических инициатив. С одной из них выступило в 1957 г. руководство Румынии, которое именно в этот период предприняло попытку обратиться к более активной внешней политике, вероятно полагая, что это не вызовет слишком негативной реакции Советского Союза, удостоверившегося во время польских и венгерских событий осени 1956 г. в прочности коммунистической власти в Румынии. 9 августа 1957 г. МИД Румынии адресовало в ЦК КПСС записку с изложением своих предложений¹⁶. После согласования с Москвой 10 сентября 1957 г. в „Скынтейя” было опубликовано Заявление румынского правительства „Об установлении отношений многостороннего мирного сотрудничества между странами балканского региона”, в те же дни распространенное в ООН среди делегаций, прибывших на открывшуюся в Нью-Йорке очередную сессию Генассамблеи. В нем предлагалось провести встречу руководителей шести балканских государств (Албании, Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии) и выступить на ней с совместной декларацией о защите мира, мирном сосуществовании и ненападении. В дальнейшем такие встречи предполагалось сделать периодическими и обсуждать на них проблемы, представляющие взаимный интерес, в том числе острые политические вопросы в целях поиска путей их мирного разрешения. По мнению румынской стороны, нахождение более широкой по охвату заинтересованных сторон формы балканского сотрудничества не только позволило бы „растворить” в ней Балканский пакт, поставило бы под вопрос целесообразность его существования, но и ослабило бы влияние НАТО в регионе, а в конечном итоге способствовало бы преодолению еще сохраняющейся политической конфронтации на Балканах. (В письме, адресованном в ЦК КПСС, акцент делался на ликвидации очага напряженности у границ социалистического лагеря). При контактах с греческими и турецкими лидерами предполагалось сделать упор на перспективе взаимовыгодных экономических отношений и культурных связей¹⁷. Даже в случае, если бы Афины и Анкара под давлением Запада или

Из трех участников пакта наибольший интерес к его развитию проявляла именно Югославия, видевшая в нем не только оборонительный союз, но также одну из форм активного многостороннего сотрудничества с Грецией, а также инструмент активизации связей с Турцией. Отношения с Грецией неизменно подавались в Белграде как классический пример мирного сосуществования и тесного сотрудничества государств с различным общественным строем.

¹⁶ Записка МИД Румынии „К вопросу о создании коллективного регионального сотрудничества Балканских стран” // КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 136–140.

¹⁷ Предложения румынской стороны включали в себя проведение многосторонних совещаний в целях совершенствования региональной транспортной инфраструктуры, создание Балканской торговой палаты как одного из инструментов экономического сотрудничества, расширение контактов между парламентариями, разного рода неправительственными, общественными организациями, развитие научных связей, курортного строительства, туризма и т.д. Предложенная программа развития научного сотрудничества предполагала создание при помощи ЮНЕСКО международных институтов по изучению балканской истории, балканского фольклора.

в силу других причин отклонили бы выдвинутую инициативу, она все равно, по мнению румынского руководства, была бы поддержана в широких общественных кругах, имела бы необходимый пропагандистский эффект в интересах повышения престижа стран социализма и способствовала бы укреплению взаимного доверия, восстановлению многовековых традиций добрососедства и экономического сотрудничества, расширению торговых и культурных связей.

Как явствует из упомянутой записки МИД Румынии в ЦК КПСС, официальный Бухарест уделял большое внимание подключению к своей инициативе титовской Югославии, отличавшейся более независимой внешней политикой и имевшей в силу этого совсем иную, нежели Румыния, репутацию на международной арене¹⁸. По некоторым сведениям, румынское правительство даже обращалось к руководству ФНРЮ с предложением выступить с аналогичной инициативой от своего имени, но получило отказ¹⁹.

¹⁸ На отношении к Румынии мирового сообщества сказывались жестокие репрессии режима Георгиу-Дежа против своих реальных и мнимых оппонентов в дни венгерского и польского кризисов осени 1956 г., а также содействие СССР в нейтрализации свергнутого правительства И.Надя (См.: Стыкалин А.С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы "группы И.Надя" и позиция румынского руководства (ноябрь – декабрь 1956 года) // Славяноведение, 2000. N.1). На московских совещаниях компартий в ноябре 1957 г. делегация Румынской рабочей партии выступала как сторонник жесткой борьбы с любыми проявлениями ревизионизма в мировом коммунистическом движении (Подробнее см.: Стыкалин А.С. За кулисами юбилейных торжеств (Московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и участие в них польской делегации) // Российско-польский исторический альманах. Вып. III. Ставрополь-Волгоград-М., 2008). Таким образом, Румыния не без оснований воспринималась на Западе как верный спутник СССР. Вместе с тем уже в это время проявилась тенденция к ее более самостоятельной внешней политике. Венгерские события явились фактором, заметно ускорившим формирование румынской национальной модели тоталитаризма. Из опасений (как показала Венгрия, совсем не беспочвенных), что либеральные веяния, порожденные XX съездом, зайдут настолько далеко, что составят серьезную угрозу положению румынского руководства, Георгиу-Деж с конца 1956 г. все более целенаправленно стремился к созданию механизмов противодействия советскому влиянию (именно в этом контексте и можно понять, что в реальности стояло за планами активизации регионального сотрудничества в формах, не предполагающих непосредственного участия СССР). Начатый им курс получил в дальнейшем продолжение и развитие его преемником Н. Чаушеску. Более самостоятельная в сравнении с другими странами-участницами Организации Варшавского договора внешняя политика Румынии была прежде всего средством поддержания устоев жесткой коммунистической диктатуры.

¹⁹ Посол Румынии в Афинах Дринчиану говорил об этом греческому политику. См. запись беседы посла СССР в Греции М.Г. Сергеева с членом Исполкома партии левой ориентации ЭДА, депутатом парламента И. Илиу от 14 февраля 1958 г.: КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 192. В упомянутой записке МИД Румынии, адресованной в ЦК КПСС, излагались аргументы в пользу принятия Югославией румынских предложений. По мнению румынской стороны, югославское правительство не сможет объяснить ни своему народу, ни мировому общественному мнению, почему оно, в свое время пойдя на заключение союза с двумя капиталистическими государствами, не может теперь, в условиях восстановления дружбы с социалистическими странами, присоединиться к соглашению, которое распространялось бы и на союзников ФНРЮ по Балканскому пакту. Как отмечалось далее, Югославии было бы трудно возражать против активизации балканского сотрудничества, поскольку она выступает за принцип активного мирного сосуществования со всеми странами далеко за пределами балканского региона. (Там же. С. 136–140).

Свое прохладное отношение к румынским планам югославы мотивировали прежде всего неурегулированностью конфликта с Албанией, руководство которой, надо сказать, поддержало идеи балканского сотрудничества, исходившие от РНР²⁰. Представители ФНРЮ считали нецелесообразным созыв общебалканской конференции лидеров государств региона до урегулирования двусторонних отношений между всеми балканскими странами. Не менее сдержанной оказалась реакция Югославии на новое румынское предложение, нашедшее отражение в правительственном Заявлении, опубликованном в „Скынтейя” 7 июня 1959 г. и также вынесенном на рассмотрение Генассамблеи ООН. (В нем предлагалось заключить многосторонний договор о взаимопонимании и коллективной безопасности в балканском регионе в целях превращения Балкан в зону мира и добрососедства). К началу 1960-х годов магистральным направлением во внешней политике режима Тито становится участие в движении неприсоединения, организационно оформившемся в сентябре 1961 г. на конференции, состоявшейся в Белграде²¹. В связи с этим официальные лица ФНРЮ неоднократно заявляли, что идея балканского сотрудничества не должна заслонять собой более широкомасштабные внешнеполитические задачи. Применительно к Балканам югославы предлагали сосредоточиться на урегулировании двусторонних отношений²².

Румынские инициативы (особенно относящаяся к июню 1959 г.) все же встретили положительный отклик на Балканах. Они были поддержаны

²⁰ Следует заметить, что позиция ФНРЮ находила определенное понимание советской стороны, причем даже в условиях временного охлаждения советско-югославских отношений, сопровождавшегося развязанной Москвой в 1958 г. пропагандистской кампанией критики югославского „ревизионизма” (нашедшего, согласно официальной версии КПСС, проявление в новой Программе СКЮ). В донесении посольства СССР в Албании, подготовленном не позднее 20 октября 1959 г., отмечалось: „высказывания албанских друзей о югославских руководителях вряд ли помогают идейному разоблачению ревизионизма. Они в большинстве своем являются бездоказательными и используются югославами для обвинения албанских друзей и, в частности, т. Энвера Ходжи, в раздувании холодной войны” (Там же. С.279-280). В Москве исходили из того, что критика югославского ревизионизма „не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует разминаться на мелочи, задевать национальные чувства югославо. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 годов”. (Из закрытого письма ЦК КПСС парторганизациям КПСС. Май 1958 г. См.: РГАНИ. Ф.3. Оп.14. Д.207. Л.65–75). Призывая извлечь уроки из негативного опыта разрыва отношений с Югославией в 1948–1949 гг., Н.С. Хрущев говорил с трибуны майского пленума ЦК КПСС 1958 г.: „нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь”, напротив, необходимо „терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться их исправления”. (РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.318. Л.35).

²¹ См. документы белградской конференции неприсоединившихся государств: Движение неприсоединения в документах и материалах. Изд.2-е, исправл. и дополн. М., 1979.

²² В марте 1960 г. руководство ФНРЮ отклонило сделанное в развитие румынских инициатив предложение председателя Совета Министров Болгарии А.Югова о проведении совещания министров иностранных дел балканских стран (КПСС и формирование советской политики на Балканах. С.294). В конце 1962 г. югославская сторона не поддержала инициативу греческого комитета балканского сотрудничества о созыве регионального совещания представителей общественности по проблемам превращения Балкан в зону мира.

частью греческой политической элиты, вызвали определенный интерес турецкой дипломатии и деловых кругов²³, стали импульсом к расширению сотрудничества балканских государств в сфере культуры. Уже в июле 1959 г. под руководством депутата греческого парламента и бывшего министра С.Меркуриса образуется национальный Комитет по сотрудничеству балканских стран, которому весной 1961 г. удастся провести в Афинах совещание с участием представителей общественных организаций ряда балканских стран, где также уже в 1959 г. развернулась организационная работа по созданию аналогичных комитетов. К осуществлению планов Меркуриса сразу подключается Болгария, в Албании также выразили готовность участвовать в совещаниях национальных комитетов балканского сотрудничества. Второе подобное совещание состоялось в Софии осенью того же года. Правда, официальные Афины отнеслись к румынским предложениям довольно скептически. Как явствует из записи беседы советского посла М.Г. Сергеева с депутатом парламента Греции И.Илиу (февраль 1958 г.), этот видный греческий левый политик говорил советскому дипломату: если бы предложение о совещании балканских государств исходило бы не от Киву Стойка (премьер-министра Румынии), а от Тито, греческому правительству было бы гораздо труднее его отклонить²⁴. В Бухаресте также осознавали, что участие лидеров Греции, а может быть и Турции в общебалканской конференции, проведенной на высоком уровне, во многом зависит от позиции Югославии.

Однако более существенное препятствие для реализации идей многостороннего балканского сотрудничества представляла собой позиция не греческого и не югославского правительства, а руководства Советского Союза. С конца 1950-х годов СССР неоднократно выступал с предложениями о создании безъядерной зоны на Балканах, на Адриатике и в Причерноморье, что имело целью прежде всего не допустить размещения атомного оружия и ракет дальнего радиуса действия на территории балканских стран-членов НАТО (Греции и особенно Турции). Наиболее значительные инициативы такого рода были выдвинуты Н.С. Хрущевым при посещении Румынии и Болгарии в мае-июне 1962 г. Так, 16 мая, выступая в болгарском городе Варна, советский лидер предложил превратить черноморские берега, на которых расположены стартовые площадки для ракет с ядерными зарядами, в

²³ Острота внутривнутриполитической борьбы в Турции (государственный переворот 1960 г.) делала не слишком своевременным активное участие этой страны в новых внешнеполитических проектах.

²⁴ КПСС и формирование советской политики на Балканах. С.192. При посещении С.Меркурисом Белграда в июне 1960 г. до его сведения были доведены серьезные сомнения руководства ФНРЮ относительно перспектив реализации предложенного греческим политиком проекта балканского сотрудничества.

„зону мира, дружбы и сотрудничества”²⁵. В то же время Советский Союз не поддерживал идею балканского сотрудничества в формах, не предполагавших активного (и направляющего) участия в нем советской стороны. Как и в случае с Балканской федерацией 1940-х годов, он видел в этом опасность возникновения неподконтрольного ему регионального блока, способного усилить центробежные тенденции внутри советского лагеря (с мая 1955 г. Организации Варшавского договора). Показательно, что румынские предложения 1957 и 1959 гг. нашли очень слабое отражение в советской печати. И это несмотря на то, что в записке румынского МИДа в ЦК КПСС от 9 августа 1957 г. подчеркивалось, что своей мирной инициативой Румыния собирается оказать содействие советской внешней политике, при этом отмечалось, что предложения, исходящие не от великой державы, а от одной из сравнительно небольших социалистических стран, могут возыметь даже больший пропагандистский резонанс. Что же касается румынской инициативы 1959 г., то она фактически явилась непосредственным откликом на одно из советских заявлений о превращении Балкан в безъядерную зону²⁶.

Правда, Советский Союз однажды воспользовался румынским предложением при выработке своей не балканской, но ближневосточной политики (инициатива руководства Румынии рассматривалась в контексте дискуссий по проблемам Ближнего и Среднего Востока). Это произошло 15 ноября 1957 г. при обсуждении на Президиуме ЦК возможностей создания союза, который наряду с некоторыми балканскими странами включал бы в себя Египет и Сирию, стремившуюся в это время к далеко идущему сотрудничеству с СССР в военной области. Эта идея, однако, оказалась мертворожденной в силу невозможности объединить на общей платформе государства, преследовавшие слишком различные внешнеполитические цели. Кстати сказать, это в некоторой степени осознавалось и участниками обсуждения. Так, Турцию, находившуюся в непримиримых отношениях с Египтом и Сирией, немыслимо было включить в проектируемый военно-политический союз. Скептически была оценена и готовность участвовать в таком союзе хотя и лояльного Москве, но политически непредсказуемого президента Египта Г.А. Насера. Небезынтересно, что приглашенные на заседание Президиума ЦК советские военачальники (только что назначенный вместо Г.К. Жукова министром обороны маршал Р.Я. Малиновский и

²⁵ Правда, 1962. 17 мая. Совместное заявление двух сторон по итогам советско-болгарских переговоров на высшем уровне см.: Правда. 1962. 21 мая. См. также совместное советско-румынское коммюнике по итогам поездки советской партийно-правительственной делегации в Румынию 17-25 июня 1962 г.: Правда. 1962. 25 июня.

²⁶ Речь идет о советско-албанском заявлении о превращении Балкан и Адриатики в зону мира, сделанном по итогам пребывания Хрущева в Албании в конце мая 1959 г. См.: Правда. 1959. 1 июня. 25 июня 1959 г. советское правительство выступило с новым заявлением относительно превращения Балкан и Адриатики в зону, свободную от атомного и ракетного оружия.

начальник Генерального штаба маршал В.Д. Соколовский) проявили более здравый подход в оценке перспектив ближневосточно-балканского союза под эгидой СССР, нежели министр иностранных дел А.А. Громыко, от которого, собственно говоря, и исходило само предложение²⁷.

В начале 1960-х годов инициатива в продвижении идей балканской солидарности переходит от Румынии к Болгарии. Воспользовавшись высказываниями Хрущева, сделанными в Варне 16 мая 1962 г., о необходимости сотрудничества всех стран, расположенных на берегах Черного моря, министр иностранных дел НРБ К.Луканов направил в сентябре 1962 г. в посольство СССР детально разработанный план многостороннего регионального сотрудничества²⁸. Для того, чтобы в большей мере заинтересовать Советский Союз, болгары лучше проработали именно черноморский аспект регионального сотрудничества. Их программа включала в себя комплекс мер по развитию курортного строительства, туризма, торговых и культурных связей между черноморскими странами²⁹.

²⁷ См. краткую запись заседания Президиума ЦК КПСС от 15 ноября 1957 г. (протокол 126. I.О дальнейших шагах в отношении Ближнего и Среднего Востока): Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Главный редактор А.А. Фурсенко. М., 2003. С.281–282. Принятое по итогам обсуждения постановление Президиума ЦК предложило МИД СССР совместно с Министерством обороны на основе изложенных соображений „разработать предложения, связанные с дальнейшими мероприятиями Советского Союза по закреплению достигнутых результатов в деле ослабления угрозы войны на Ближнем и Среднем Востоке”. (Там же. Том 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С.731). В тот же день, 15 ноября, принимая венгерского лидера Я.Кадара, находившегося в Москве на совещании компартий, Хрущев поделился с ним своими замыслами создать антиимпериалистический блок в Восточном Средиземноморье. Советский лидер не питал при этом иллюзий относительно желания Турции участвовать в этом союзе, заметив вместе с тем, что дистанцирование от советских мирных инициатив разоблачит турецкую политическую элиту как противника мира в регионе. С другой стороны, Хрущев надеялся, что Советскому Союзу удастся включить в проектируемую им по своему сценарию систему безопасности в Восточном Средиземноморье титовскую Югославию. (Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Вр., 1997. 230–231.о.). В дальнейшем идея широкого балканско-ближневосточного (восточносредиземноморского) союза под эгидой СССР, насколько можно судить из известных документов, развития не получила.

²⁸ См. проект плана проведения мероприятий в отношениях Болгарии с балканскими странами в районе Черного моря и Адриатики, полученный от министра иностранных дел НРБ К.Луканова посольством СССР в Болгарии (не позднее 4 сентября 1962 г.) // КПСС и формирование советской политики на Балканах. С.338–347.

²⁹ Была предложена среди прочего широкая программа сотрудничества научных учреждений, университетов, национальных библиотек и музеев. Предполагалось проведение международных научных конференций по проблемам археологии и истории черноморских стран, по биологии, экологии и т.д. В планы болгарской стороны входили также расширение обмена гастролями театральных коллективов, проведение кинофестивалей и спортивных соревнований, обмен студентами, организация встреч писателей, издателей, деятелей культуры, журналистов, представителей молодежных, женских движений, профсоюзов черноморских стран (в том числе в рамках созданных национальных комитетов балканского сотрудничества). Предусматривались также меры по расширению межцерковного сотрудничества православных стран. Софийский горсовет выступил с инициативой встречи мэров столиц балканских стран для обмена мнениями о перспективах расширения связей.

Предлагалось также Болгарии совместно с Румынией (а возможно и Югославией) выступить в экономической комиссии ООН с инициативой проведения регионального экономического совещания, а на сессии Генассамблеи ООН выдвинуть ряд конкретных предложений по расширению торговых связей между балканскими странами. Политическая составляющая программы, разработанной МИД Болгарии, предусматривала заключение коллективного пакта о ненападении. Кроме того, по мнению болгарской стороны, Румыния и Болгария могли бы выступить на заседавшей в Женеве комиссии по разоружению с предложением относительно превращения Балкан и Причерноморья в зону свободную от атомного оружия, ракет и иностранных военных баз; Румыния, Болгария и СССР обратились бы к правительству Турции с предложением демилитаризации черноморского побережья.

В Советском Союзе болгарский план опять-таки не вызвал большого отклика, может быть потому, что предполагаемое участие СССР вновь оказывалось недостаточно активным. Как явствует из помет, сделанных на тексте проекта, полученного из Болгарии, в аппарате МИД СССР собирались заняться разработкой собственного плана сотрудничества черноморских стран с учетом болгарских предложений, но никаких следов такого плана в архивах нами пока не обнаружено. В этой связи важно также заметить, что задача далеко идущей демилитаризации района Черного моря не входила в приоритетные планы СССР, будучи увязанной с широким кругом проблем разоружения, а советские предложения о создании на Балканах безъядерной зоны явились прежде всего ответом на решения Совета НАТО о размещении в Европе ядерного оружия - в СССР опасались его размещения на греческой и турецкой территории. Негативную реакцию в СССР вызвали также решения афинской сессии НАТО 1962 г. о реорганизации и перевооружении греческой армии. Опасения далеко идущей милитаризации Греции обусловили попытки советской дипломатии установить тесные контакты с некоторыми оппозиционно настроенными греческими политиками, не чуждыми идей балканской солидарности³⁰.

Экономическая программа включала в себя расширение сотрудничества в области рыболовства, совершенствование таможенных соглашений. Предвидя, что некоторые предложения не могут быть реализованы как многосторонние, МИД Болгарии выдвинул ряд инициатив по расширению двусторонних связей и урегулированию спорных вопросов с Грецией, Югославией, Турцией и т.д. Пункт об активизации сотрудничества Болгарии с отдельными республиками Югославии не мог бы найти положительный отклик в Белграде, учитывая несовпадение болгарской и югославской точек зрения на суть македонского вопроса, проблему формирования македонского этноса.

³⁰ В СССР, в частности, всерьез заинтересовались деятельностью греческого движения за балканское сотрудничество, наладили связи с его лидером С. Меркурисом, пригласили его посетить Москву. В последнем видели политика, которого можно было бы склонить к выступлениям в поддержку советских предложений о создании безъядерной зоны на Балканах. См., например, запись беседы посла СССР в Греции М.Г. Сергеева с Меркурисом о внутривнутриполитическом положении в стране и по проблемам балканского сотрудничества от 7 июля 1959 г.: КПСС и формирование советской политики на Балканах. С.238–242.

Румынская сторона к 1962 г., насколько можно судить из документов, несколько охладела к планам регионального сотрудничества, возможно, увидев в болгарских предложениях попытку навязать Румынии участие в осуществляемой под эгидой СССР и СЭВ экономической программе, не отвечающей ее интересам. В конце декабря 1962 г. председатель Болгарского комитета за взаимопонимание и сотрудничество балканских стран академик С.Гановский говорил советскому послу о слабом отклике в Румынии на болгарские предложения и о фактическом отказе официального Бухареста от проведения у себя в марте 1963 г. ранее запланированной встречи представителей национальных комитетов балканского сотрудничества по вопросам ликвидации военных баз на Балканах³¹. Югославия также в сложившейся международной обстановке скептически отнеслась к постановке в рамках движения балканской солидарности вопроса о ликвидации военных баз в регионе. Албания к этому времени вступила в конфликт с СССР, что поставило под сомнение ее участие в любых проектах, предлагавшихся близким союзником СССР – Болгарией. Греция и Турция не поддержали далеко идущих разоруженческих инициатив, хотя и не были против расширения экономического и культурного сотрудничества. Предложенная болгарской стороной в 1962 г. развернутая программа черноморско-балканского сотрудничества во многом осталась на бумаге.

В начале 1960-х годов пути двух соседних социалистических стран – Румынии и Болгарии – расходятся. Румынская коммунистическая элита после острого конфликта между Хрущевым и Георгиу-Дежем в июне 1963 г. при обсуждении планов экономической кооперации в рамках СЭВ все более решительно и последовательно выступает против далеко идущей экономической интеграции стран социалистического содружества, видя в них дискриминационный для Румынии характер. Она настаивает также на корректировке отношений внутри Организации Варшавского договора на основе равноправия. Новая концепция продвижения к социализму, ставившая во главу угла защиту национального суверенитета, находит развернутое выражение в Декларации Румынской рабочей партии по вопросам коммунистического и рабочего движения, принятой в апреле 1964 г. Сотрудничество с балканскими странами заслоняется более широкомасштабной внешнеполитической доктриной, предполагавшей расширение связей с Западом, проведение более активной политики в „третьем мире” и, наконец, балансирование между двумя коммунистическими державами – СССР и КНР. Болгария, также не удовлетворенная отведенной ей ролью в системе взаимоотношений в рамках СЭВ, напротив, пытается компенсировать издержки превращения в аграрный придаток более развитых стран своим

³¹ Запись беседы посла СССР в НРБ Г.А. Денисова с С.Гановским 28 декабря 1962 г. Там же. С.353–354. О проведении этой встречи представители Румынии и Болгарии предварительно договорились летом 1962 г. на конгрессе в защиту мира, проходившем в Москве.

выдвижением на роль особого, наиболее близкого партнера Москвы, что наглядно проявилось в ряде ее внешнеполитических жестов осени 1963 г.³² В этих условиях идеи черноморского и балканского сотрудничества отходят в болгарской внешней политике на второй план.

Тем не менее, как румынские, так и болгарские предложения конца 1950-х – начала 1960-х годов, несомненно, дали импульс активизации регионального сотрудничества, что проявилось среди прочего в создании в разных странах национальных комитетов балканского сотрудничества. Они функционировали в государствах, принадлежащих к обоим, противостоящим друг другу военно-политическим лагерям, охватывая определенную часть национальных культурных элит, привлекая к себе внимание (в частности, в Греции) видных политиков и бизнесменов. Периодически проводимые совещания с участием представителей общественности балканских стран способствовали улучшению взаимопонимания между народами региона. В среде деятелей культуры имели отклик конференции писателей балканских государств, проводившиеся с начала 1960-х годов³³. Но регулярные многосторонние встречи лидеров балканских стран начались лишь в 1976 г. после проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, установившего базовые принципы взаимоотношений стран независимо от характера их социально-политических режимов.

³² В письме Политбюро ЦК БКП первому секретарю ЦК КПСС, председателю Совмина СССР Н.С. Хрущеву „По вопросу более тесного экономического, политического и культурного сотрудничества и сближения между Народной Республикой Болгарией и СССР” (не позднее 10 октября 1963 г.) ставился вопрос о еще более полном увязывании народнохозяйственных планов Болгарии с народнохозяйственными планами Советского Союза, о более тесном кооперировании, а в перспективе о слиянии экономики Болгарии с экономикой Советского Союза. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 3. Постановления. 1959-1964. М., 2008. С.608–610. См. также: Баева И. Болгария в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. М., 2008.

³³ Наиболее представительные встречи состоялись в мае 1964 и январе 1965 г. В записке Иностранной комиссии Союза писателей СССР, посвященной этим встречам, отмечалось, что за последние годы удалось установить тесные связи, в частности, между болгарскими и греческими писателями. Вместе с тем болгарские писатели старались в ходе встреч избегать острых политических вопросов, которые могли бы вызвать полемику. Разногласия возникли при обсуждении вопроса о создании лиги балканских писателей – соответствующая инициатива поступила от греческих и турецких писателей. Болгарские и албанские писатели ее поддержали, тогда как румынские и югославские проявили сдержанность: сначала надо лучше узнать друг друга и установить более тесные двусторонние контакты. Решение вопроса было отложено до одной из новых встреч. См.: РГАЛИ. Ф.5. Оп.36. Д.150. Л.14–15.